

В. Г. Морогин, В. А. Мазиллов

Ценностно-потребностная тахистоскопическая диагностика коррупционного поведения (Часть II)

В статье обсуждаются современные точки зрения на проблему коррупции и коррупционной преступности. Констатируется, что в правительственных и социологических источниках коррупция рассматривается как общественный феномен, поэтому и методы борьбы с ней носят формально-бюрократический характер. Между тем, причина коррупции и коррупционной преступности – в ее субъектах. Психологический подход к решению этой проблемы ставит в центр внимания «человеческий фактор».

Предпринята попытка реконструкции психологических предпосылок появления человека современного типа без помощи креационистских концепций. Используются данные палеоантропологических исследований последних двух десятилетий. В методологическом плане мотивационная модель видовой неоднородности человека опирается на палеопсихологическую теорию антропогенеза Б. Ф. Поршнева и концепцию видизма. Как и любое другое исследование филогенетических аспектов формирования современного человека, эта реконструкция гипотетическая.

Предлагаемая в статье модель «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» является одной из прикладных реализаций теории ценностно-потребностной сферы личности. «Коррупционная психодиагностика» даст возможность выявлять лиц, склонных к коррупции, претендующих на руководящие должности в государственных учреждениях, бизнес-структурах и СМИ, а также среди кандидатов в народные депутаты любого уровня. Разработанная на основе ее результатов технология «антикоррупционной психопрофилактики» позволит искоренить коррупцию в государственных и общественных учреждениях.

Ключевые слова: коррупционная психодиагностика, антикоррупционная психопрофилактика, ценностно-потребностная сфера личности (ЦПСЛ), общественная подструктура ЦПСЛ, родовая подструктура ЦПСЛ, личностно значимая ценность, коррупционно опасная ценность, коррупционно безопасная ценность, симультанная тахистоскопическая экспозиция, сукцессивная тахистоскопическая экспозиция, общественный коррупционный профиль, родовой коррупционный профиль.

V. G. Morogin, V. A. Masilov

Value-Need Tachistoscope Diagnostics of Corruption Behaviour (Part II)

The modern point of view on the problem of corruption and corrupt criminality is discussed in the article. It states, that corruption is considered as a social phenomenon in governmental and sociological sources, and therefore methods of fighting corruption have formally bureaucratic nature. Meanwhile, the cause of corruption and corruption criminality is in subjects. The psychological approach to solve this problem puts the «human factor» in the spotlight.

The article is an attempt to reconstruct psychological preconditions of the emergence of the modern human type, without resorting to creationist concepts. Data from paleoanthropological researches of the two last decades are used in this article. In terms of methodology, the motivational model of species human heterogeneity is based on the paleopsychological theory of anthropogenesis by B. F. Porshnev and the concept of kindism. Like any other phylogenetic study of the formation of modern man, this reconstruction is hypothetical. The proposed model of «corrupt psycho-diagnostics» and «anti-corrupt psycho-prevention» is one of the applied implementations of the theory of value-need personality sphere. «Corrupt psycho-diagnostics» will enable to identify persons who are prone to corruption, applying for employment of leadership roles within state institutions, business-structures and the media, and among candidates for the parliament of any level. The technology «anti-corrupt psycho-prevention», based on the results of «corrupt psycho-diagnostics», will allow eliminating corruption in state and public institutions.

Keywords: corrupt psycho-diagnostics, anti-corrupt psycho-prevention, value-need personality sphere (VNPS), social substructure of VNPS, family substructure of VNPS, personally meaningful value, corrupt dangerous value, corrupt safe value, simultaneous tachistoscope exposition, successive tachistoscope exposition, public corrupt profile, generic corrupt profile.

Проблема бессознательной мотивации поведения человека является центральной в теории ценностно-потребностной сферы личности, которая рассматривает как истинные побуждения бессознательные мотивационные интенции.

Ценностно-потребностная сфера – одна из подсистем личности (кроме нее еще есть аффек-

тивная, когнитивная и формально-динамическая), содержанием которой являются побудительные силы, обеспечивающие любые формы поведения. Ценности рассматриваются как формы, лишённые содержания, это только названия. Каждый индивид наполняет их своими потребностями, поэтому названия ценностей од-

ни и те же, а их содержание у каждого человека разное. Структура ценностно-потребностной сферы личности у всех людей одна и та же, но содержание, которым она наполнена, определяется индивидуальным набором потребностей, который у каждого уникален.

Ценностно-потребностная сфера представлена двумя подструктурами – общественной и родовой. Общественная подструктура ценностно-потребностной сферы – набор универсальных форм, которые наполняются потребностным содержанием аттитудов, формирующихся в процессе социализации под влиянием различных общественных институтов: образовательные и воспитательные учреждения, СМИ, реклама, TV, интернет и т. п. Родовая подструктура ценностно-потребностной сферы – ценностные формы, содержанием которых являются родовые потребности. Потребности общественной подструктуры ЦПСЛ – продукт онтогенеза, родовые потребности – результат антропогенеза. Общественная потребность может стать родовой и закрепиться на генетическом уровне, если в течение как минимум 50 поколений будет постоянно формироваться родителями у своих детей. Но и в этом случае наследуется только форма – конкретное ее содержание индивидуально. Потребности, сформированные в онтогенезе одного поколения, наследственно не закрепляются.

В психологической литературе «потребность» и «ценность» нередко смешиваются, что ведет к неправильной трактовке того содержания, которое обозначается этими терминами. При их внешнем сходстве, потребность и ценность – разные понятия, и между ними есть существенные принципиальные различия:

– Ценность только указывает на возможную неосознаваемую потребность и всегда выражена в слове, которое не принадлежит отдельному субъекту, а является достоянием всех людей; поэтому словом можно выразить только ценность, но не потребность. Иными словами, потребность имеет первосигнальную природу, ценность – второсигнальную.

– Потребность всегда индивидуальна и конкретна, ценность же общественна по своей природе и представляет собой обобщенное понятие.

– Потребность никогда не оценивается, ценность же всегда подвергается социальной оценке.

– Потребность – причина любого поведения, ценность служит его оправданию, поэтому причина поступка должна анализироваться в терми-

нах потребности, а его атрибуция – с точки зрения его социальной ценности.

– Хотя причинами поступков человека являются потребности, как только потребность обозначается словом, она подводится под ближайшую социальную категорию и заменяется наиболее подходящей для личности ценностью.

Из этих положений с очевидностью следует, что в психологическом эксперименте непосредственное изучение потребностей невозможно, они доступны лишь косвенному исследованию – через ценности. Примерно так же опосредованно Г. Фехнер измерял интенсивность ощущений силой воздействующего на орган чувств раздражителя.

В основу ценностно-потребностной диагностики положен принцип тахистоскопической (субсенсорной по времени) экспозиции. Он базируется на экспериментальных фактах, свидетельствующих о том, что для одновременного или последовательного восприятия нескольких стимулов требуется определенное время. Экспозиция порядка нескольких мсек не позволит человеку сознательно зафиксировать все предъявленные объекты, но что-то он все-таки опознает. Что же? Скорее всего, те стимулы, которые связаны с жизненно важными потребностями, уже зафиксированными в его родовом генотипе. Такой методический подход дает возможность компенсировать главный недостаток всех «сознательных» приемов, используемых для исследования бессознательных психических феноменов. Кроме того, он позволяет разработать систему объективной количественной оценки бессознательных побуждений.

Тахистоскопический принцип опирается на общепсихологический закон об ограниченности объема восприятия. Зрительная система человека устроена так, что в сенсорной памяти запечатлевается очень большое количество стимулов, в то время как в кратковременное хранилище поступает не вся информация, а только небольшая ее часть. Одновременно в сознании можно зафиксировать от 5 до 9 объектов. Согласно исследованиям когнитивных психологов, для того чтобы осознать и перевести в кратковременную память информацию из сенсорного регистра, необходимо по крайней мере 0,5 сек.

Исследования объема восприятия показали, что вероятность перцепции различных стимулов неодинакова. Быстрее и точнее осознаются личностно значимые объекты, события и факты. Поэтому если предъявлять несколько стимулов на

очень короткое время (порядка нескольких мсек.), то с наибольшей вероятностью опознан будет тот, который наиболее важен для субъекта.

Почему же этот стимул опознается даже при таком коротком времени экспозиции? Зрительное восприятие человека происходит не постоянно, а скачками, обусловленными саккадическими движениями глаз. Каждая саккада длится 0,4–0,6 сек. Но несколько мсек – слишком мало даже для одной саккады. И тем не менее человек в этих условиях успевает опознать наиболее значимую для него информацию.

Дж. Кеттелл еще в конце XIX столетия проводил тахистоскопические эксперименты, в которых на 0,1 сек. предъявлял буквы и слова. Способность его испытуемых к воспроизведению экспериментального материала зависела не столько от количества воспринятых букв, сколько от степени приближения их к значимой для субъекта последовательности. В 1932 г. Фредерик Бартлетт в своей знаменитой монографии «Запоминание: экспериментальное социально-психологическое исследование» [28] отметил, что в первую очередь шанс запомниться имеется у субъективно значимой информации. Тогда же он высказал мысль о том, человек способен запомнить больше информации, чем может воспроизвести. Это связано с тем, что в кратковременной памяти воспринятые стимулы переводятся в пропозиции, то есть в вербально-языковую форму. Оттуда, согласно парадигме Брауна-Петерсона, информация может быть переведена в долговременную память в том случае, если будет повторяться. Чем больше повторений стимула произойдет в кратковременной памяти, тем с большей вероятностью он попадет в долговременное хранилище. При этом в процессе обработки в кратковременной памяти происходит значительная потеря информации, так как она транслируется в абстрактную, обобщенную, то есть пропозициональную форму.

Дж. Сперлинг [25] развил гипотезу Ф. Бартлетта о том, что человек запоминает больше информации, чем может воспроизвести, и убедительно доказал это в своих знаменитых тахистоскопических экспериментах. Но его метод «частичного воспроизведения» был основан на предположении о том, что любой элемент информации может быть воспроизведен с одинаковой вероятностью. Это допущение может быть справедливым только в том случае, когда экспериментальный материал индифферентен для субъекта. Как достичь этого – уже другой вопрос.

Г. Эббингауз с этой целью придумал бессмысленные слоги, но даже такой материал его испытуемые умудрялись связывать и лично оценивать. Прав, однако, все-таки оказался Ф. Бартлетт: не все стимулы могут быть воспроизведены с одинаковой вероятностью – у лично значимой информации эта вероятность выше. Поэтому при тахистоскопическом предъявлении с минимальным временем экспозиции в первую очередь будут опознаны те стимулы, которые связаны с жизненно важными потребностями личности.

Эти методологические положения и экспериментально полученные факты послужили основой для создания двух экспериментально-психологических методик: «Тахистоскоп» и «Калейдоскоп». Принципиальное различие между ними в том, что в первом случае тестовые слова, обозначающие человеческие ценности, предъявляются симультанно (одновременно все), а во втором – сукцессивно (последовательно). Время предъявления каждого тестового стимула должно быть очень коротким и равным индивидуальному временному порогу тахистоскопической экспозиции. Другими словами, продолжительность экспозиции тахистоскопически предъявляемых стимулов – это такой временной интервал, в течение которого субъект способен бессознательно опознать (но не воспринять) минимальное количество стимулов; в то же время этот промежуток не должен быть слишком коротким, таким, что становится невозможным любое опознание. Это и есть порог индивидуальной тахистоскопической экспозиции. Величина его в человеческой популяции очень сильно варьирует и зависит от многих физиологических, психологических и даже социальных факторов, поэтому порог тахистоскопической экспозиции для каждого субъекта, проходящего исследование с помощью тахистоскопических методик, должен измеряться индивидуально.

Эмпирические исследования выявили существование восьми универсальных ценностных блоков, обнаруживающихся в любом языке и зафиксированных в нем с помощью слов. Нет оснований рассматривать эти ценностные зоны как иерархически организованные, потому что реализация индивидуальности человека может осуществляться в любой из них. Технически эта процедура осуществлялась как группировка слов, обозначающих человеческие потребности, и проводилась в несколько этапов:

1. Сначала был составлен список всех потребностей, которые имеют ценностные обозначения в русском языке. С этой целью из Толкового словаря С. И. Ожегова [18] были отобраны все существительные, обозначающие человеческие потребности.

2. После этого с помощью специального словаря был проведен синонимический анализ этого массива с целью исключения одинаковых по содержанию слов – из синонимического ряда, состоящего иногда из нескольких десятков слов, с помощью частотного словаря [27] выбиралось то, которое чаще всего употребляется в устной и письменной речи.

3. Затем отобранные слова были разбиты на 12 групп, исходя из длины слова: состоящие из 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 букв. В Толковом словаре С. И. Ожегова встречались и более длинные слова, обозначающие потребности (15- и 16-буквенные), но их оказалось недостаточно для группировки, осуществляемой на следующем этапе 7-ю экспертами, в роли которых выступили опытные психологи и педагоги.

4. Задача, которая ставилась перед ними, состояла в том, чтобы сгруппировать в классы слова разной длины: отдельно 3-буквенные, отдельно 4-буквенные и т. д. При этом ничего не говорилось ни о количестве выделяемых классов, ни о критериях, на основе которых следует осуществлять группировку, – эксперты делали это спонтанно.

Этот этап исследования принес неожиданные, в какой-то степени шокирующие, результаты: все без исключения эксперты распределили представленные для группировки слова различной длины в одинаковое число групп (8), причем содержательно эти группы у разных экспертов оказались практически идентичными. Создавалось впечатление, что экспертам был заранее известен принцип классификации, хотя инструкция не содержала никаких намеков на то, каким образом осуществлять группировку; эксперты проводили ее исключительно спонтанно [12].

Но если проанализировать результаты работы экспертов с позиции теории ценностно-потребностной сферы личности, то полученные данные легко интерпретируются. Восемь групп – это восемь родовых архетипических форм, которые изначально заложены в коллективном бессознательном каждого человека, но наполнены уникальным потребностным содержанием. Из этого факта логически выводится очень важное следствие: слова как элементы языка и речи от-

ражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, но никак не наоборот. По-видимому, постановка вопроса о том, что было вначале – «слово» или «дело» – некорректна, потому что вначале было не «слово» и не «дело», а «желание».

Это положение подтверждает важный постулат, выдвинутый еще в конце XIX в. в работах Вундта, Лазаруса, Штейнталя, Дюркгейма, Тарда, Лебона и развитый современными социальными психологами Х. Ортега-и-Гассетом и С. Московичи [2, 6, 15, 19]. Эти исследователи считали, что «общественное сознание» (в смысле – бессознательное «общественное сознание») возникло гораздо раньше индивидуального и что сознание отдельного человека выделилось из коллективного с исторической точки зрения недавно. Это предположение было блестяще обосновано во второй половине XX столетия Б. Ф. Поршневым [20].

По-видимому, восемь полученных на основе экспертных оценок ценностных групп представляют собой восемь глобальных архетипических форм, структурирующих индивидуальное содержание коллективного бессознательного любого человека. Вот почему эксперты неосознанно и спонтанно классифицировали ценности на основе именно этого критерия.

Итак, каждый из восьми эмпирически выделенных классов ценностей представляет самостоятельную зону ценностно-потребностной сферы личности любого человека и определяет одну из восьми возможных мотивационных тенденций. Конкретное содержание этих ценностных зон индивидуально, так как они могут наполняться разными потребностями.

Какие это зоны? Экспертиза проводилась в отношении ценностей, зафиксированных в русском языке, поэтому предлагаемые обозначения пока не могут соотноситься с иными этническими архетипами. Тем не менее поскольку слова любого языка отражают структуру человеческих потребностей и являются производными от них, эти ценностно-потребностные зоны должны быть одинаковыми для всех людей.

1. Гедонистическая (гедонизм – аскетизм) зона, в которую оказались включенными потребности, реализующие принцип удовольствия.

2. Зона безопасности (пугливость – смелость), которая представлена потребностями, отражающими субъективную необходимость защиты от различных неблагоприятных воздействий.

3. Эго-зона (коллективизм – индивидуализм), наполняемая потребностями, определяющими индивидуальные стремления и амбиции личности.

4. Экзистенциальная, общественно-политическая (лояльность – экстремизм) зона, включающая потребности, детерминирующие общественное и политическое поведение и отражающие отношение личности к власти и государству.

5. Афффилиативная (экстраверсия – интроверсия) зона, аккумулирующая потребности в межличностных взаимодействиях.

6. Когнитивная, интеллектуальная (экстернальность – интернальность) зона, наполненная интеллектуальными и познавательными потребностями.

7. Ритуальная (подчинение – независимость) зона, в которой сосредоточены потребности, связанные с традициями и отправлением различных ритуалов, регламентирующих официальное поведение человека.

8. Трансцендентальная, духовная (подражание – творчество) зона, содержанием которой являются духовные потребности человека и потребности роста.

Эти зоны ценностно-потребностной сферы личности представляют структуру общественных ценностей (потому что выражены средствами языка как общественного продукта) и, одновременно, родовых архетипов (потому что все восемь классов ценностей выделены экспертами спонтанно). Полное совпадение потребностного содержания общественных и родовых ценностей – идеальный вариант, к которому должно стремиться любое общество. Но в реальной жизни всегда есть определенное рассогласование между общественными потребностями, которые государство транслирует гражданам в виде юридических и морально-этических нормативов, облеченных в форму государственных и нравственных законов, через социальные институты власти, СМИ и рекламу, и содержанием родовых архетипов, генетически передаваемым из поколения в поколение от предков к потомкам [11, 12, 13]. В полиэтничном государстве привести систему общественных потребностей в полное соответствие с содержанием родовых архетипических форм гораздо труднее, если вообще возможно.

Идентификация (аттитюды)							
Общественные ценностные ориентации – социализация							
гедонизм	пугливость	коллективизм	лояльность	экстраверсия	экстернальность	подчинение	подражание
Г-А	Без	Эго	О-П	Афф	Инт	П-А	Дух
Потребности							
Г-А	Без	Эго	О-П	Афф	Инт	П-А	Дух
аскетизм	смелость	индивидуализм	экстремизм	интроверсия	интернальность	независимость	творчество
Родовые ценностные ориентации – самоактуализация							
Идентичность (архетипы)							

Но в психологическом исследовании важно другое – найти объективный способ фиксации структуры общественных и родовых ценностей для того, чтобы получить возможность сопоставить их друг с другом и выявить специфические особенности сочетания этих структур.

Степень индивидуального соответствия потребностного содержания отдельной личности формальной подструктуре общественных ценностей отражает направление и качество ее идентификации; аналогичное соответствие этого содержания родовой ценностной подструктуре будет определять уровень осознания ею своей идентичности.

Общественная подструктура ценностно-потребностной сферы личности может быть диагностирована с помощью симультанной тахисто-

скопической техники предъявления ценностей (тест «Тахистоскоп»). В этом варианте тахистоскопического метода все восемь ценностей предъявляются одновременно, поэтому субъект в этой ситуации, скорее всего, опознает самое социально значимое слово, то есть самую актуальную с общественной точки зрения ценность. В этом тесте отдельные ценности не оказывают никакого влияния друг на друга, потому что вероятность появления каждой из них в определенной точке визуального поля абсолютно одинакова. В результате 64 экспозиций выявляется статистически самый сильный ценностный аттитюд, то есть та группа потребностей, формой для которых служит наиболее часто актуализируемая ценность.

Ценность – это коллективная форма, наполненная индивидуальными потребностями личности, форма, одинаковая у всех людей, но содержательно уникальная у каждого человека.

В сукцессивной тахистоскопической процедуре, реализуемой в тесте «Калейдоскоп», слова ценности предъявляются последовательно, и в силу этого каждая ценность оказывает влияние на опознание других. Так как в тахистоскопическом эксперименте нет восприятия из-за слишком короткого времени экспозиции, можно предположить, что должны работать иные, более глубокие механизмы. Вероятно, эти ценности-формы уже имеются в бессознательном человека, и субъект с большей вероятностью опознает те из них, содержанием которых являются потребности, оказывающие наибольшее влияние на остальные ценностные зоны. В коллективном бессознательном в качестве таких ценностных форм выступают родовые архетипы. В сукцессивном эксперименте чаще других будет опознаваться наиболее «влиятельный» из них. Таким опосредованным способом с помощью сукцессивной тахистоскопической техники можно выявить родовую архетипическую подструктуру ценностно-потребностной сферы личности.

Косвенным доказательством этой гипотезы может служить феномен, отчетливо проявившийся в сукцессивных тахистоскопических экспериментах. В когнитивной психологии он носит название *эффекта края* или *закона выпадения середины* и свидетельствует, что первые и последние элементы сенсорного ряда лучше запоминаются. Но главное в том, что объясняется этот феномен с помощью двух механизмов – про- и ретроактивного торможения. Иными словами, лучше запоминаются те элементы, которые находятся в начале сенсорного ряда и повторяются большее количество раз (согласно парадигме Брауна-Петерсона эта информация имеет больше шансов перейти из сенсорной в кратковременную память), а также последние объекты ряда, в меньшей степени подвергающиеся интерференции со стороны других элементов. Это объяснение удовлетворительно для обычного процесса сознательного запоминания, но оно ничего не объясняет в случае кратковременной тахистоскопической экспозиции. Тем не менее эффект края в сукцессивных тахистоскопических экспериментах отчетливо проявляется. Следовательно, помимо обычных мнестических процессов, протекающих на уровне сознания, существуют глубокие бессознательные механизмы, и материа-

лом этих процессов служат не внешние раздражители, а содержимое глубинных архетипических структур.

Симультанная и сукцессивная тахистоскопические процедуры реализованы в форме интраиндивидуального многоуровневого эксперимента, в котором в качестве независимой переменной выступает структура ценностно-потребностной сферы личности. Восемь ценностных зон рассматриваются как качественные уровни независимой переменной, а зависимая – оценивается как суммарное число опознаний каждой из восьми личностно значимых ценностей.

Основная проблема интраиндивидуального эксперимента – минимизация эффекта последовательности – решена путем позиционного уравнивания уровней независимой переменной по методу сбалансированного латинского квадрата, потому что полное уравнивание привело бы к нереальному количеству экспериментальных проб [12, 14].

Таким образом, человек – не только уникальная индивидуальность, но и носитель потребностей, доставшихся ему от его предков, которые должны быть упорядочены универсальными ценностными формами. Другими словами, потребности человека индивидуальны, но в то же время специфичны, и эта специфика детерминирована принадлежностью индивида к одному из 4-х человеческих видов: человеческий род *Homo Sapiens* представлен двумя хищными (суперанималы и суггесторы) и двумя нехищными (диффузный – суггеренды и современные неантропы) видами. Поэтому для того, чтобы иметь полное представление о ценностно-потребностной сфере личности, необходимо исследовать не только индивидуальное содержание ее ценностных зон, но и выделить видовые специфические особенности ценностно-потребностного профиля. У каждого вида свой профиль, который и определяет видовую идентификацию и видовую идентичность человека. Первая отражается в профиле общественной подструктуры ЦПСЛ, вторая – родовой [11].

Можно предположить, что различия между хищными и нехищными субъектами должны обнаружиться в родовой подструктуре ЦПСЛ; общественная подструктура, потребностное содержание которой формируется под влиянием сходных социальных воздействий, будет иметь только количественные отличия.

Потомки хищной части человечества (суперанималы и суггесторы) врожденно склонны к агрессии и насилию, и это обязательно должно отразиться в их родовом профиле ЦПСЛ. Потомки адельфофагов тяготеют к физическому насилию, суггесторы – к психологическому.

У нехищных субъектов родовой профиль иного типа: в нем будут преобладать «нехищные» ценности. Социальное влияние, пропагандирующее хищное поведение и агрессию, и у нехищного диффузного индивида, чрезвычайно податливого на интердикцию и внушение, способно сформировать агрессивные аттитюды, которые обязательно проявятся, но только в общественном профиле ЦПСЛ. Другими словами, у нехищного индивида может быть сформирована хищная идентификация, но у него в принципе не может быть хищной идентичности. Симптомы хищного поведения в этом случае могут быть квалифицированы как социальная болезнь.

Интерпретация данных ценностно-потребностной тахистоскопической диагностики хищных и нехищных человеческих видов должна опираться на следующие общие положения:

1. Если и общественный, и родовой профили ЦПСЛ представлены хищными ценностями, имеет место хищный реализованный тип поведения, не подлежащий коррекции. Хищные ценности, зафиксированные только в родовом профиле ЦПСЛ, свидетельствуют о потенциальной хищности, сдерживаемой и пока не проявляющейся в реальном поведении.

2. Если хищные ценности фиксируются только в общественном профиле ЦПСЛ, диагностируется хищное поведение, обусловленное аттитюдами, сформировавшимися под влиянием хищных социальных воздействий; эта социальная болезнь лечится методами психологической интервенции.

3. Если же в общественном и родовом профилях ЦПСЛ доминируют нехищные ценности, субъект не склонен к агрессии и насилию и устойчив к агрессивным социальным влияниям. Такие профили ЦПСЛ характерны для самого молодого человеческого вида – современных неантропов.

Для тахистоскопической психодиагностики хищных и нехищных видов значимыми являются все зоны ценностно-потребностной сферы личности, но особенное внимание при постановке психологического диагноза следует обращать на

зоны «безопасности», «эго», «экзистенциальную», «ритуальную».

1. Диагностика хищного вида суперанималов должна, в первую очередь, опираться на анализ зон «безопасности», «эго», «экзистенциальной», «ритуальной».

2. Хищный суггесторный вид определяется по значениям зон «гедонизм», «эго», «экзистенциальная», «ритуальная».

3. Для нехищного диффузного вида наиболее диагностически значимыми являются зоны «безопасности», «эго», «экзистенциальная», «аффилиативная» и «ритуальная».

4. Психологическая диагностика неантропов опирается, прежде всего, на анализ «гедонистической», «экзистенциальной», «когнитивной», «ритуальной», «трансцендентальной» ценностно-потребностных зон.

Поскольку возможность формирования высших психических функций у человека обусловлена наличием у него новейших специфически человеческих структур, локализованных в лобных долях коры головного мозга, состояние ВПФ можно связать с принадлежностью к определенному человеческому виду. Следовательно, нейропсихологическая диагностика ВПФ также может использоваться для определения видовой принадлежности индивида. У хищных субъектов должны отсутствовать ВПФ, связанные с нравственной оценкой реальных действий.

Объяснительные ресурсы современной палеопсихологической теории антропогенеза предоставляют возможность высказать и некоторые гипотезы относительно природы многих психических болезней, этиология которых до сих пор остается неясной. Прежде всего, это состояния, характеризующиеся «неконтактностью», то есть отсутствием у индивида потребности в межличностном взаимодействии, такие как шизофрения и маниакально-депрессивный психоз. Даже среди специалистов бытует точка зрения, что детский аутизм, особенно ярко проявляющийся у так называемых «детей-индиго», – свидетельство особого интеллектуального таланта, гениальности; что это – люди будущего, которым предстоит строить новый мир. Тем не менее аутизм может совершенно однозначно трактоваться как предвестник шизофрении, а «неконтактность» – что ни говори, атавизм, возврат к предковым формам, другими словами, регресс. И абсолютно обоснованно О. Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и другие сторонники теории дегенерации в XIX–XX столетиях рассматривали подоб-

ные признаки как свидетельство вырождения.

Первая попытка объяснения психической патологии с точки зрения эволюционного учения Ч. Дарвина принадлежит К. Фохту, который заметил определенное сходство в строении черепа ранних человеческих предков и больших микроцефалией. 50 лет спустя эту концепцию развил и дополнил польский врач Домба.

Эволюционная теория микроцефалии Фохта и Домбы утверждает, что некоторые врожденные психические аномалии представляют собой атавизмы, то есть возрождение в редких особях того, что было всеобщим в филогенетически предковой форме. Причина психической болезни состоит в нарушении элементарных механизмов, с помощью которых люди подвергаются суггестии со стороны других людей. Исключение составляет легкая олигофрения (дебильность) и микроцефалия, при которых внушаемость, напротив, гипертрофирована. Но во всех случаях – это отклонение от нормального диапазона внушаемости.

Неконтактность – броня, закрывающая большого от внушения окружающих, то есть неконтактность тождественна невнушаемости. Мания и депрессия – противоположные формы неконтактности, тем не менее приводящие к одному и тому же результату – невнушаемости. Психопатология сверхактивности и пассивности имеет общий признак: «защищенность» от внушения, хотя внушение вовсе не обязательно связано с причинением ущерба, оно вполне может играть и положительную роль. Это свойство, присущее палеоантропам («защищенность от внушения»), правильнее называть досуггестивным, поскольку они были еще вне социальных контактов и не обладали собственно второй сигнальной системой даже в зачаточной форме.

Все психические заболевания можно классифицировать на две группы: генетически обусловленные (маниакальные и депрессивные психозы, генетическая олигофрения, шизофрения и т. д.) и экзогенные (травматические, наркотические, токсические, инфекционные, опухолевые). Истинные или генетически обусловленные психические болезни можно считать воспроизведением разрозненных черт, характеризовавших психику палеоантропов или еще более отдаленных предков человека. Это поведенческие атавизмы.

Негативный признак всех психических патологий заключается в том, что они воспроизводят эволюционную стадию невнушаемости, то есть не контрсуггестивность, а досуггестивность, которая восходит к нейропсихическим чертам па-

леоантропов эпохи дивергенции. Поэтому психически больные люди – это неизбежное, по законам генетики, воспроизведение в определенном маленьком проценте человеческих особей отдельных черт предкового вида – палеоантропов.

Атавизмы могут быть и физическими. Реконструкция облика палеоантропов и ископаемых неантропов указывает, что их внешний вид значительно различался. В отличие от волосатых палеоантропов, кроманьонцы не имели волос на теле, а также отличались очень сильно развитыми лобными отделами черепа («большелобые»). У неандертальцев лоб был скошен, но, по сравнению с ископаемыми неантропами, у них были хорошо развиты затылочные и теменные отделы. Подобные физические атавизмы наблюдаются и у современных неантропов: иногда встречаются чрезмерно волосатые индивиды, не редки представители *Homo Sapiens*, по строению черепа очень похожие на палеоантропов. Это может свидетельствовать лишь о том, что в генотипе таких индивидов имеется «хищный» след, что также может служить характерным признаком при определении принадлежности к «хищным» человеческим видам.

Этнос не может быть отождествлен с хищным или нехищным человеческим видом, поскольку формирование этносов происходило уже после завершения процесса дивергенции палеоантропов и ископаемых неантропов. Поэтому в каждой этнической группе есть как хищные, так и нехищные индивиды, разной является только их пропорция.

Этнос – это естественная общественная структура, формирующаяся из индивидов, занимающихся сходной деятельностью и проживающих на ограниченной территории в течение длительного времени в условиях внутриплеменных браков при отсутствии какой-либо миграции извне. Этнос определяется двумя группами характеристик – антропотипом и психотипом. Антропотип – совокупность сформировавшихся в процессе становления и закрепившихся на генетическом уровне внешних физических и физиологических признаков, по которым можно безошибочно определить представителя этноса. Психотип – система архетипов родового бессознательного этноса, передаваемая от предков к потомкам.

Нельзя путать национальное и этническое в человеке, поскольку, в отличие от этноса, нация – искусственное общественное образование, со-

здаваемое властью и включающее, по крайней мере, несколько этносов. На территории России проживает более 200 этнических групп, а нация одна – россияне. Исторически нации создавались в результате захватнических войн, поэтому нацию никак нельзя считать добровольным объединением этносов.

Психологическая диагностика предрасположенности к коррупции тесно связана с принадлежностью индивида к одному из четырех человеческих видов. Особенности родовой мотивации хищных видов дают все основания предполагать у них врожденную предрасположенность к коррупции. В высшей степени такой диатез характерен для хищного вида суггесторов, врожденно склонных к эгоизму, цинизму и психологическому насилию по отношению к представителям нехищных видов. Хищная родовая мотивация потомков адельфофагов-каннибалов обычно реализуется в агрессии и физическом насилии, поэтому для их социального поведения характерна склонность к насильственным преступлениям. Коррупционное поведение нехищных индивидов может быть только результатом социального научения под воздействием СМИ и различных институтов общественного влияния. Это приобретенные формы социального поведения, а потому они могут быть скорректированы методами «антикоррупционной психотерапии».

Определить структуру побудительных причин коррупционного поведения можно с помощью экспериментально-психологических методов, базирующихся на принципе тахистоскопического предъявления «коррупционно значимых» («коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных») потребностей, составляющих содержание ценностно-потребностной сферы личности. Такая превентивная диагностика даст возможность количественной оценки прогноза, будет ли, например, кандидат в депутаты злоупотреблять своим статусом или претендент на чиновничью должность брать взятки, когда им станет, а будущий полицейский защищать права граждан или, наоборот, унижать и обирать их; станет ли журналист давать искаженную оценку общественным событиям в угоду личным или чьим-то корпоративным интересам, а бизнесмен – удовлетворять свои хищные потребности в обогащении за счет жестокой эксплуатации или разграбления общенародных природных богатств. Решение этих вопросов, безусловно, снизит социальную напряженность в стране. Это направление экспериментально-психологических исследований

можно обозначить термином «коррупционная психодиагностика» [13].

Истинные причины коррупционного поведения можно диагностировать только в случае отключения сознательного второсинального контроля, что достигается путем использования техник тахистоскопического симультанного и сукцессивного предъявления личностно значимых «коррупционно опасных» и «коррупционно безопасных» ценностей. В противном случае определение «мотивов коррупционного поведения» будет сведено к речевому оправданию (самоатрибуции) человеком своих поступков. Разработанная на основе этих принципов компьютерная система экспериментально-психологических методов «коррупционной психодиагностики» предназначена для количественной оценки истинных побуждений в различных сферах человеческой деятельности государственного значения [14]. «Антикоррупционная психопрофилактика» должна опираться на результаты «коррупционной психодиагностики», она включает систему специальных мероприятий и практических приемов возможной психокоррекции коррупционных форм поведения. «Антикоррупционная психопрофилактика» – естественное продолжение «коррупционной психодиагностики», ее главная цель – не допустить в коррупционно опасные сферы деятельности склонный к коррупции контингент, а также удалить из этих сфер должностных лиц, страдающих такой склонностью.

Это принципиально новый психологический подход к решению проблемы противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью в системе государственного, общественного и политического управления, основанный на возможности выявления истинных неосознаваемых причин социального поведения человека. Если система мер «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» будет реализована в масштабах страны, это позволит в течение ближайших лет искоренить позорное для России явление.

Библиографический список

1. Ванновская, О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения [Электронный ресурс] / О. В. Ванновская // Известия Российского государственного педагогического университета. – 2009. – № 102. – С. 323–328. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korrupsionnogo-povedeniya#ixzz3YDRFPZWp>.

2. Вундт, В. Психология народов [Текст] / В. Вундт. – СПб., 1992. – 356 с.
3. Диденко, Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего [Текст] / Б. Диденко. – М., 1997.
4. Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект [Текст] / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Российское общество. – 2012. – № 2. – С. 56–65.
5. Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. Психологические факторы коррупции [Текст] / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Вестник Российской Академии Наук. – Т. 85. – № 11. – М.: Наука, 2015. – С. 1019–1027.
6. Лебон, Г. Психология народов и масс [Текст] / Г. Лебон. – СПб.: Макет, 1995. – 316 с.
7. Лесгафт, П. Ф. Школьные типы. Антропологический этюд [Текст] / П. Ф. Лесгафт // Избранные педагогические сочинения. – М., 1988. – С. 24–114.
8. Марков, А. В. Эволюция человека : в 2 книгах. Книга 1. Обезьяны, кости и гены [Электронный ресурс] / А. В. Марков. – М.: АСТ: CORPUS, 2014а. – 464 с. – Режим доступа: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>
9. Марков, А. В. Эволюция человека : в 2 книгах. – Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа [Электронный ресурс] / А. В. Марков. – М.: АСТ: CORPUS, 2014б. – 512 с. – Режим доступа: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>
10. Морогин, В. Г. Палеопсихологическая модель коррупции [Текст] / В. Г. Морогин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. Всеросс. научн.-практ. конф., Томск 15–16 апреля 2015 г. / под общ. ред. к. п. н. А. А. Вотинова. – Выпуск 3; Томский ИПКР ФСИН России. – Томск : Графика, 2015. – С. 215–224.
11. Морогин, В. Г. Психологическая концепция идентичности [Текст] / В. Г. Морогин // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 11. – С. 233–254.
12. Морогин, В. Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности [Текст] / В. Г. Морогин // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 12–28.
13. Морогин, В. Г., Мазиллов, В. А. Исследования коррупции: ценностно-потребностный подход [Текст] / В. Г. Морогин, В. А. Мазиллов // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы седьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М. В. Новикова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – С. 181–227.
14. Морогин, В. Г., Ширяева, А. А., Мазиллов, В. А. Методологические основы исследования коррупции: ценностно-потребностный подход / В. Г. Морогин, А. А. Ширяева, В. А. Мазиллов // Методология современной психологии. – Вып. 5. / Сб. под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. А. Мазилова, В. Ф. Петренко. – М.; Ярославль : ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН, 2015. – С. 113–146.
15. Московичи, С. Наука о массах [Текст] / С. Московичи // Психология масс. Хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах, 1998. – С. 397–534.
16. О мерах по противодействию коррупции: Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 [Текст] // Российская газета. № 108 от 22.05.2008, изменения внесены Указами Президента от 13.04.2010 № 460 и от 13.03.2012 № 297.
17. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ [Текст] // Российская газета. Федеральный выпуск № 4823 от 30.12.2008.
18. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, Изд. 4-е, доп., 2006. – 944 с.
19. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Психология масс. Хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах, 1998. – С. 195–314.
20. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии [Текст] / Б. Ф. Поршнева. – М.: ФЭРИ-В, 2006. – 176 с.
21. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 349 с.
22. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>.
23. Репецкая, А. Л. Российская коррупционная преступность: характеристика и противодействие [Текст] / А. Л. Репецкая // Актуальные проблемы профилактики коррупции в России на современном этапе: сборник материалов методологического семинара / отв. ред. Д. Д. Невирко. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2010. – 184 с.
24. Решетников, М. М. Психология коррупции: утопия и антиутопия [Текст] / М. М. Решетников. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008. – 128 с.
25. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология [Текст] / Р. Л. Солсо / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2006.
26. Тард, Г. Социальная логика [Текст] / Г. Тард. – СПб.: СПЦ, 1996. – 558 с.
27. Частотный словарь русского языка [Текст] / под ред. Л. Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.
28. Bartlett, F. C. Remembering / F. C. Bartlett. Cambridge Univ. 1932.
29. Corruption Perceptions Index 2011. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2011/results>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vannovskaja, O. V. Lichnostnye determinanty korruptcionnogo povedenija [Jelektronnyj resurs] /

- O. V. Vannovskaja // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*. – 2009. – № 102. – S. 323–328. Nauchnaja biblioteka KiberLeninka: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korruptsionnogo-povedeniya#ixzz3YDRFPZWp>.
2. Vundt, V. *Psihologija narodov* [Tekst] / V. Vundt. – SPb., 1992. – 356 s.
3. Didenko, B. *Hishhnaja vlast'. Zoopsihologija sil'nyh mira sego* [Tekst] / B. Didenko. – M., 1997.
4. Zhuravlev, A. L., Jurevich, A. V. *Korrupcija v sovremennoj Rossii: psihologičeskij aspekt* [Tekst] / A. L. Zhuravlev, A. V. Jurevich // *Rossijskoe obščestvo*. – 2012. – № 2. – S. 56–65.
5. Zhuravlev, A. L., Jurevich, A. V. *Psihologičeskie faktory korrupcii* [Tekst] / A. L. Zhuravlev, A. V. Jurevich // *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*. – T. 85. – № 11. – M.: Nauka, 2015. – S. 1019–1027.
6. Lebon, G. *Psihologija narodov i mass* [Tekst] / G. Lebon. – SPb.: Maket, 1995. – 316 s.
7. Lesgaft, P. F. *Škol'nye tipy. Antropologičeskij jetjud* [Tekst] / P. F. Lesgaft // *Izbrannye pedagogičeskie sočinenija*. – M., 1988. – S. 24–114.
8. Markov, A. V. *Jevoljucija čeloveka: v 2 knigah. Kniga 1. Obez'jany, kosti i geny* [Elektronnyj resurs] / A. V. Markov. – M.: AST: CORPUS, 2014a. – 464 s. – Rezhim dostupa: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>
9. Markov, A. V. *Jevoljucija čeloveka: v 2 knigah. Kniga 2. Obez'jany, nejrony i duša* [Elektronnyj resurs] / A. V. Markov. – M.: AST: CORPUS, 2014b. – 512 s. – Rezhim dostupa: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>
10. Morogin, V. G. *Paleopsihologičeskaja model' korrupcii* [Tekst] / V. G. Morogin // *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pedagogika, psihologija i pravo: mater. Vseross. nauchn.-prakt. konf., Tomsk 15–16 aprlja 2015 g. / pod obščh. red. k. p. n. A. A. Votnova*. – Vypusk 3; *Tomskij IPKR FSIN Rossii*. – Tomsk: Grafika, 2015. – S. 215–224.
11. Morogin, V. G. *Psihologičeskaja koncepcija identičnosti* [Tekst] / V. G. Morogin // *Sibirskij pedagogičeskij žurnal*. – 2011. – № 11. – S. 233–254.
12. Morogin, V. G. *Teorija i metody issledovanija cennostno-potrebnostnoj sfery ličnosti* [Tekst] / V. G. Morogin // *Gumanitarnye nauki i obrazovanie v Sibiri*. – 2009. – № 3. – S. 12–28.
13. Morogin, V. G., Mazilov, V. A. *Issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod* [Tekst] / V. G. Morogin, V. A. Mazilov // *Dopolnitel'noe profesional'noe obrazovanie v uslovijah modernizacii: materialy sed'moj vs Rossijskoj nauchno-praktičeskoj internet-konferencii (s mezhdunarodnym učastiem) / pod nauch. red. M. V. Novikova*. – Jaroslavl': RIO JaGPU, 2015. – S. 181–227.
14. Morogin, V. G., Shirjaeva, A. A., Mazilov, V. A. *Metodologičeskie osnovy issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod* / V. G. Morogin, A. A. Shirjaeva, V. A. Mazilov // *Metodologija sovremennoj psihologii*. – Vyp. 5. / Sb. pod red. V. V. Kozlova, A. V. Karpova, V. A. Mazilova, V. F. Petrenko. – M.; Jaroslavl': JarGU; LKIISI RAN; MAPN, 2015. – S. 113–146.
15. Moskovichi, S. *Nauka o massah* [Tekst] / S. Moskovichi // *Psihologija mass. Hrestomatija* / red. D. Ja. Rajgorodskij. – Samara: Bahrah, 1998. – S. 397–534.
16. *O merah po protivodejstviju korrupcii: Ukaz Prezidenta RF ot 19.05.2008 № 815* [Tekst] // *Rossijskaja gazeta*. № 108 ot 22.05.2008, izmenenija vneseny Ukazami Prezidenta ot 13.04.2010 № 460 i ot 13.03.2012 № 297.
17. *O protivodejstvii korrupcii: Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ* [Tekst] // *Rossijskaja gazeta*. Federal'nyj vypusk № 4823 ot 30.12.2008.
18. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M.: ITI Tehnologii, Izd. 4-e, dop., 2006. – 944 s.
19. Ortega-i-Gasset, H. *Vosstanie mass* [Tekst] / H. Ortega-i-Gasset // *Psihologija mass. Hrestomatija* / red. D. Ja. Rajgorodskij. – Samara: Bahrah, 1998. – S. 195–314.
20. Porshnev, B. F. *O nachale čelovečeskoj istorii. Problemy paleopsihologii* [Tekst] / B. F. Porshnev. – M.: FJeRI-V, 2006. – 176 s.
21. Propp, V. Ja. *Istoričeskie korni volshebnoj skazki* [Tekst] / V. Ja. Propp. – M.: *Kniga po Trebovaniju*, 2011. – 349 s.
22. *Rejting stran mira po urovnju vosprijatija korrupcii* [Elektronnyj resurs] // *Centr gumanitarnyh tehnologij*. – Rezhim dostupa: URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>.
23. Repeckaja, A. L. *Rossijskaja korrupcionnaja prestupnost': charakteristika i protivodejstvie* [Tekst] / A. L. Repeckaja // *Aktual'nye problemy profilaktiki korrupcii v Rossii na sovremennom jetape: sbornik materialov metodologičeskogo seminaru / otv. red. D. D. Nevirko*. – Krasnojarsk: SibJuI MVD Rossii, 2010. – 184 s.
24. Reshetnikov, M. M. *Psihologija korrupcii: utopija i antiutopija* [Tekst] / M. M. Reshetnikov. – SPb.: *Vostočno-Evropejskij institut psihoanaliza*, 2008. – 128 s.
25. Solso, R. L. *Kognitivnaja psihologija* [Tekst] / R. L. Solso / per. s angl. – SPb.: Piter, 2006.
26. Tard, G. *Social'naja logika* [Tekst] / G. Tard. – SPb.: SPC, 1996. – 558 s.
27. *Častotnyj slovar' russkogo jazyka* [Tekst] / pod red. L. N. Zazorin. – M.: *Russkij jazyk*, 1977. – 936 s.
28. Bartlett, F. C. *Remembering* / F. C. Bartlett. Cambridge Univ. 1932.
29. *Corruption Perceptions Index 2011*. URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2011/results>.